

18+

**АННА
ВЕРСКАЯ**

**ВДОВА
ДЕЛО МОЛЧАЛИВОЙ НЕВЕСТЫ
ДЕЛО ДВЕ СМЕРТИ**

Анна Верская
Вдова. Дело молчаливой
невесты. Дело «Две смерти»

<https://litres.ru/74248693>

ISBN 9785007046381

Аннотация

Вдова. Дело о молчаливой невесте.

Она молчала восемнадцать лет. Когда заговорила — обвинила жениха в убийстве. Теперь её хотят упрятать в сумасшедший дом. Но у Аглаи Корелиной есть всего несколько дней, чтобы найти настоящего преступника. Потому что в этом доме у каждого есть мотив. А правду знает только чёрная вода пруда. Два загадочных дела, три подозреваемых, одна развязка.

Содержание

Дело молчаливой невесты	5
Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	28
— — Глава четвёртая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вдова. Дело молчаливой невесты. Дело «Две смерти»

Анна Верская

Дизайнер обложки Chatgpt

© Анна Верская, 2026

© Chatgpt, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4638-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дело молчаливой невесты

Глава первая

Утро в Сытинском тупике выдалось тихим и морозным. В кухне уютно гудела печь, за окном падал неторопливый февральский снег, а Глафира, напевая что-то фальшивое и церковное, накрывала на стол.

После разгрома «Братства теней» прошло два месяца. Москва успела забыть скандал с арестом таинственного банкира Оболенского, газеты переключились на новые сплетни, а Аглая Матвеевна Корелина, урождённая Волынская, вернулась к своей тихой жизни — если можно назвать тихой жизнь, в которой бывший граф и бывший жених учится заново быть собой, сидя в соседней комнате над кипой юридических книг.

Дмитрий Алексеевич Брянчанинов — теперь уже официально признанный таковым после долгих хлопот Зарубина с документами — поселился в Сытинском тупике на правах то ли квартиранта, то ли дальнего родственника. Аглая Матвеевна не стала ничего объяснять соседям: вдова в её возрасте имеет право на любые странности.

Сам Дмитрий, впрочем, вёл себя безупречно. Завтракал отдельно, к обеду выходил в сюртуке, много читал, мало го-

ворил и смотрел на Аглаю Матвеевну так, как смотрят на старую икону, — с благоговением, в котором нет ни капли мужской дерзости. Глафира, заметив это, однажды брякнула: «Барыня, да он на вас как на Смоленскую Божию Матерь молится, честное слово». Аглая Матвеевна в ответ только сухо заметила, что Глафире вредно пить наливку до обеда.

Сегодня, впрочем, Дмитрий с утра уехал к Зарубину — обсуждать какие-то юридические тонкости своего восстановления в правах, — и Аглая Матвеевна наслаждалась одиночеством. Она сидела у окна с неизменным вязанием, пила чай из новой мейсенской чашки (старая, надтреснутая, теперь стояла на каминной полке как напоминание) и думала о том, что жизнь, кажется, налаживается.

В дверь позвонили.

— Сидите, барыня, — сказала Глафира, вытирая руки о передник. — Я открою. Ежели опять этот мальчишка от Зарубина, скажу, что вас дома нет.

Но это был не мальчишка. Из прихожей донёсся знакомый голос — звонкий, взволнованный и слегка заплаканный.

— Тётя! Tante Aglae! Вы дома! Слава Богу!

Аглая Матвеевна отложила спицы.

— Сонечка? Что случилось?

Сонечка Ланская влетела в гостиную, как замёрзший воробей. Шляпка съехала набок, муфта болталась на одной ленте, щёки покраснелись от мороза, а глаза были красные — то ли от слёз, то ли от бессонной ночи, то ли и от того и от другого.

— Тётя, беда! Вы должны помочь! Вы одна можете! Если не вы, то Лизу упекут в сумасшедший дом, и никто слова не скажет, они все там заодно, они...

— Стоп, — Аглая Матвеевна подняла руку. — Глаша, чаю Сонечке. И коньяку. Сонечка, сними шляпку, вытри слёзы и расскажи по порядку. Что за Лиза? Кто упечёт? Кто заодно?

Сонечка всхлипнула, приняла из рук Глафиры чашку, отхлебнула, обожглась и затараторила.

Лиза, как выяснилось, была Елизаветой Андреевной Шатиловой — восемнадцатилетней дворянкой из хорошей, но обедневшей семьи. Отец её умер давно, мать — несколько лет назад. После смерти матери Лиза воспитывалась у дядюшки, в имении Белые Росы, что в Рязанской губернии. И

вот там, в этом имении, случилось нечто, от чего Сонечкин голос дрожал и срывался.

— Она молчала, тётя! Восемнадцать лет молчала! Представляете? С детства не говорила ни слова. Врачи говорили — немая от рождения. И никто не мог вылечить. А тут — вдруг заговорила!

— Что значит «вдруг»? — Аглая Матвеевна нахмурилась.

— Месяц назад! Накануне помолвки! — Сонечка всплеснула руками, едва не опрокинув чашку. — Её собрались выдавать замуж, понимаете? Жених — человек солидный, уважаемый, богатый. Отставной генерал-майор, предводитель дворянства. Фамилия — Вельяминов, Егор Дмитриевич. Слышали?

Аглая Матвеевна слышала. Вельяминов владел землями в трёх губерниях, состоял в попечительском совете московского Воспитательного дома и слыл человеком консервативным, но справедливым. Ему было далеко за пятьдесят. Лизе, стало быть, восемнадцать.

— И что же она сказала, когда заговорила?

Сонечка перевела дух и выпалила:

— Она сказала, что Вельяминов — убийца. Что она сама видела, как он убил человека. Что он душил кого-то в саду, в старой беседке, когда она была маленькой. И что она не может выйти за него замуж, потому что ей страшно.

В комнате повисла тишина. Глафира, стоявшая в дверях, медленно перекрестилась.

— И что же Вельяминов? — спросила Аглая Матвеевна, и голос её прозвучал ровно, почти буднично.

— А что Вельяминов? — Сонечка горько усмехнулась. — Он, конечно, всё отрицает. Говорит, бедная девочка не в себе. Что её надо лечить. Что она начиталась романов, что у неё истерика перед свадьбой. А дядюшка её, опекун, — он с ним заодно. Они уже и врача привезли. Врач осмотрел Лизу и сказал: «Меланхолия с признаками бреда. Рекомендовано лечение в закрытом заведении».

— В сумасшедшем доме, — уточнила Аглая Матвеевна.

— Да! — Сонечкины глаза снова наполнились слезами. — И никто ей не верит! Никто! Потому что она же молчала восемнадцать лет! Кому поверить — ей или генералу с безупречной репутацией? Да ещё и врач подтверждает! А я

ей верю, тётя! Я знаю Лизу с детства! Она не сумасшедшая! Она... она что-то видела. Я не знаю что. Но она не могла такое выдумать!

Аглая Матвеевна допила чай, аккуратно поставила чашку на блюдце и взяла в руки вязание. Спицы застучали — ровно, методично, успокаивающе.

— Сонечка, — сказала она, — а почему ты пришла именно ко мне?

Сонечка покраснела.

— Потому что вы... вы умеете. Я помню, как вы спасли меня от того графа. Вы тогда всё раскопали. Вы знаете, как искать правду. И ещё... — она замялась, — я боюсь, что Лизу убьют.

— Убьют? — Аглая Матвеевна подняла бровь. — Почему ты так решила?

— Потому что в сумасшедшем доме люди долго не живут. Особенно те, кому есть что рассказать. Я это в романах читала, — призналась Сонечка и тут же смутилась.

— Ну, раз в романах, — сухо заметила Аглая Матвеевна,

но взгляд её при этом был не сухим. — Хорошо. Рассказывай всё, что знаешь о Лизе, о её семье, о дядюшке, о женихе. Во всех подробностях. Глаша, принеси мой блокнот.

Глафира принесла сафьяновый блокнот и остро отточенный карандаш, и Аглая Матвеевна принялась записывать.

За следующие полчаса она выяснила, что:

- Елизавета Андреевна Шатилова осиротела в десять лет. Её отец, небогатый помещик Андрей Шатилов, умер от сердечного приступа, когда Лиза была ещё совсем маленькой. Мать скончалась через несколько лет — тихо угасла, как говорили соседи, от тоски.

- Опекуном стал дядя, Илья Кузьмич Шатилов, человек, по описанию Сонечки, «скользкий». Он жил в имении племянницы, управлял её состоянием и, кажется, не слишком горевал, когда девочка оказалась немой и покладистой.

- Жених, Егор Дмитриевич Вельяминов, появился в имении около трёх лет назад. Сосед. Богат, влиятелен. Зачем ему понадобилась юная бесприданница — непонятно. Впрочем, по слухам, у Шатиловых было что-то ценное: то ли земли, то ли лес, то ли ещё что-то, что привлекало Вельяминова.

- Сама Лиза всё детство и юность молчала. Не то чтобы совсем не издавала звуков — плакала, смеялась, но ни слова. Её возили к докторам, показывали специалистам, но те

лишь разводили руками. При этом девочка была умной, читать выучилась сама, писала аккуратно, понимала всё, что ей говорят.

· И вдруг — за месяц до свадьбы, после того как Вельяминов официально объявил о помолвке, — Лиза заговорила. Первыми её словами были: «Не хочу за него. Он убил человека. Я видела».

— И что было потом? — спросила Аглая Матвеевна.

— Потом приехал врач, — сказала Сонечка. — Он осмотрел Лизу, поговорил с ней, а потом вышел к дядюшке и Вельяминову и сказал: «У девушки острое нервное расстройство. Ей нужен покой и лечение». И её заперли. В её же комнате. И никого к ней не пускают. Даже меня.

— Но ты к ней всё-таки попала, — заметила Аглая Матвеевна.

Сонечка вспыхнула.

— Я подкупила горничную. Всего на полчаса. Лиза была... она была в ужасном состоянии. Она сидела у окна и всё повторяла: «Я не сошла с ума. Я правда видела. Это было в саду. Он душил человека. Я не знаю, кто это был. Но это был он». А потом она заплакала и сказала: «Соня, мне страшно.

Они меня убьют. Как убили маму».

— Маму? — Аглая Матвеевна резко подняла голову от блокнота. — Она сказала «как убили маму»?

— Да, — прошептала Сонечка. — Я спросила, что она имеет в виду, но она больше ничего не сказала. Только повторяла: «Я не сумасшедшая. Помогите мне». И тогда я поехала к вам.

Аглая Матвеевна отложила карандаш.

— Сонечка, ты правильно сделала. — Она повернулась к двери. — Глаша!

— Я здесь, барыня.

— Мы едем в Рязанскую губернию. Собирай вещи. Тёплые.

Глафира всплеснула руками.

— Аглая Матвеевна! Опять? Нам только-только покой налачился! И Дмитрий Алексеевич ещё не вернулся...

— Оставь ему записку. Пусть ждёт нас здесь. И пришли

мальчишку к Зарубину — пусть Иван Петрович будет готов выехать по нашему сигналу. Чувствую, нам понадобится его помощь.

Сонечка, которая всё это время сидела ни жива ни мертва, бросилась обнимать тётку.

— Спасибо! Спасибо! Я знала, что вы поможете!

— Не благодари заранее, — охладила её Аглая Матвеевна. — Сначала я должна поговорить с Лизой. И с её дядюшкой. И с женихом. И посмотреть на этот сад и старую беседку. А потом уже решу, кому и чем помочь.

Она встала, поправила платье и прошла в спальню — собирать саквояж.

В голове её уже крутились вопросы.

Если Лиза видела убийство в детстве, почему она замолчала именно тогда, а не раньше и не позже? Что стало триггером? И главное — если убитая мать действительно была убита, а не умерла от «тоски», то кому это было выгодно?

Вельяминову? Дядюшке? Кому-то ещё?

Она взяла револьвер, проверила барабан и положила его в саквояж рядом с вязанием.

Ей сорок пять лет. Она вдова. Она справилась с могущественным тайным обществом.

Справится и с отставным генералом.

— Глаша! — крикнула она. — Не забудь мою лорнетку. Дымчатую. На этот раз мы едем не в Тулу, а в имение Белые Росы. Чувствую, там нас ждёт очень много интересного.

Глафира, ворча, потащила из шкафа дорожный тулуп.

Сонечка вытерла слёзы и впервые за всё утро улыбнулась.

А за окном падал февральский снег — густой, тяжёлый, словно предвещавший долгую и трудную дорогу.

Глава вторая

Дорога до Белых Рос заняла почти двое суток — сначала поездом до Рязани, потом в наёмном экипаже по ухабистому тракту, засыпанному февральским снегом. Глафира, закутанная в тулуп, ворчала без остановки: то ей было холодно, то жарко, то она вспоминала, что забыла взять с собой горчичники, то принималась ругать рязанских ямщиков за то, что лошади у них — «не лошади, а одры драные».

Сонечка Ланская ехала вместе с ними. Она то принималась плакать, вспоминая несчастную Лизу, то засыпала, привалившись к плечу тётки, и во сне вздрагивала, как щенок. Аглая Матвеевна не спала почти вовсе. Она смотрела в заиндевелое окно, считала телеграфные столбы и думала.

За два дня она восстановила в памяти всё, что знала о семействе Шатиловых, — а знала она немного. Андрей Шатилов, покойный отец Лизы, был из тех помещиков, что называются «старыми дворянами»: герб есть, имение есть, а денег нет. Он женился поздно, на женщине много моложе себя. Когда родилась Лиза, ему было уже под пятьдесят. Через несколько лет он скорострительно скончался — «сердечный приступ», как написал уездный врач. Мать Лизы умерла несколько лет спустя — «от тоски», как говорили соседи, и

это объяснение Аглае Матвеевне не нравилось больше всего.

Слишком часто женщин в этом мире списывали на «тоску», когда они умирали не вовремя.

Впрочем, размышлять о смерти госпожи Шатиловой пока было рано. Сначала нужно увидеть Лизу.

Экипаж свернул с тракта на узкую аллею, обсаженную старыми липами. За липами показался высокий забор, затем — каменные ворота с облезлой штукатуркой, а за ними — двухэтажный господский дом с мезонином, выкрашенный в бледно-жёлтый цвет, давно уже не обновлявшийся.

— Белые Росы, — объявил ямщик, натягивая вожжи. — Приехали, барыни.

Дом выглядел запущенным. Ставни на некоторых окнах висели криво, на крыльце не хватало одной балясины, а дорожки были расчищены кое-как, будто прислуга не слишком утруждала себя работой. Впрочем, возможно, дело было не в лени, а в отсутствии хозяйского глаза: имением управлял дядюшка-опекун, а опекуны, как известно, не слишком заботятся о чужом добре.

На крыльцо вышел лакей — пожилой, с сонным лицом —

и помог дамам выйти из экипажа. Сонечка тут же бросилась вперёд, но Аглая Матвеевна придержала её за локоть.

— Спокойно. Мы здесь гости. Не забывай об этом.

Их проводили в гостиную — просторную комнату с камином, в котором лениво потрескивали сырые дрова. Мебель была старая, но добротная, обивка на креслах выцвела от солнца, а на стенах висели портреты каких-то Шатиловых — мужчин в мундирах и дам в чепцах, смотревших на мир с одинаковым выражением застывшей важности.

Через несколько минут в гостиную вошёл хозяин — Илья Кузьмич Шатилов, дядя и опекун Лизы.

Аглая Матвеевна ожидала увидеть скользкого типа с бегающими глазами, но действительность оказалась хуже. Шатилов был человеком с приятной наружностью: лет пятидесяти, полноватый, с круглым лицом, аккуратной бородкой и мягкими, почти ласковыми манерами. Он улыбался так, будто всю жизнь только и делал, что встречал дорогих гостей, и говорил тихим, вкрадчивым голосом, от которого у Аглаи Матвеевны почему-то зачесалось в затылке.

— Аглая Матвеевна! Какая честь! — он прижал руки к груди. — Сонечка мне писала, что вы, возможно, навестите

нас. Но я, признаться, не ожидал так скоро. Вы ведь с дороги, устали? Велите подать чаю? Или вина?

— Чаю, — сказала Аглая Матвеевна. — И беседы.

— Беседы? — Шатилов поднял брови. — О чём же, сударыня?

— О Елизавете Андреевне. О вашей племяннице.

Улыбка на лице Шатилова не дрогнула, но что-то в его глазах изменилось — на мгновение, как тень от облака.

— Ах, Лиза, — он вздохнул и покачал головой. — Бедная девочка. Вы, верно, слышали от Сонечки эту ужасную историю? Несчастный случай, право слово. Врачи говорят — острое нервное расстройство. Мы все в глубокой печали. Особенно Егор Дмитрич. Он так ждал этого брака. И вдруг — такое.

— Я хотела бы увидеть Лизу, — сказала Аглая Матвеевна.

Шатилов развёл руками.

— Это невозможно, сударыня. Врач категорически запретил посещения. Любое волнение может ухудшить её состоя-

ние.

— Я не причиню ей волнения. Я умею разговаривать с больными.

— Увы, — Шатилов снова вздохнул, на этот раз ещё печальнее. — Доктор Самойлов — вы, вероятно, слышали о нём? — он светило в губернии. Его рекомендации не обсуждаются.

Аглая Матвеевна отпила чай, который принесла горничная, и посмотрела на Шатилова поверх чашки.

— Илья Кузьмич, — сказала она спокойно, — я не доктор, не следователь и не представитель власти. Я всего лишь дальняя родственница, которую попросили о помощи. Но если мне не дадут увидеть Лизу, я буду вынуждена обратиться к людям, которые имеют полномочия. У меня есть знакомые в губернском жандармском управлении. Им, возможно, будет интересно узнать, почему девушку держат взаперти без возможности поговорить с кем-либо, кроме опекуна и жениха.

Шатилов перестал улыбаться. На мгновение его лицо стало жёстким, почти злым. Но он быстро взял себя в руки.

— Аглая Матвеевна, вы ставите меня в неловкое поло-

жение. Я действую исключительно в интересах племянницы. Если вы настаиваете... — он сделал паузу, — я мог бы устроить короткую встречу. В присутствии врача. Но предупреждаю: Лиза сейчас не в себе. Она говорит странные вещи. Вы не должны принимать их всерьёз.

— Я принимаю всё всерьёз, — сказала Аглая Матвеевна.
— Это мой недостаток.

— —

Через полчаса её провели в комнату на втором этаже. У двери стоял слуга — не лакей, а скорее надзиратель, плечистый малый с тупым взглядом. Аглая Матвеевна отметила это.

Комната Лизы оказалась небольшой, но светлой, с окнами в сад. На подоконнике лежали книги — французские романы, в основном. На столике у кровати — графин с водой и нетронутый завтрак.

Сама Лиза сидела у окна, закутанная в шаль, и смотрела на снег. Когда Аглая Матвеевна вошла, она обернулась, и вдова увидела лицо, от которого у неё сжалось сердце: бледное, осунувшееся, с огромными серыми глазами, в которых застыл страх.

— Здравствуй, Лиза, — сказала Аглая Матвеевна, присаживаясь на стул напротив. — Меня зовут Аглая Матвеевна Корелина. Я тётя Сонечки Ланской. Я приехала, чтобы помочь тебе.

Лиза смотрела на неё молча. Потом едва слышно, одними губами, прошептала:

— Вы мне верите?

— Я верю, что ты не сумасшедшая, — спокойно ответила Аглая Матвеевна. — А в остальном разберусь. Расскажи мне, что ты видела. Много лет назад. В саду.

Лиза вздрогнула. Её пальцы сжали край шали так, что побелели.

— Я не знаю, когда это было, — сказала она. — Я была маленькая. Я играла в саду и побежала в беседку — старую беседку у пруда. Там был он. Егор Дмитрич. И ещё кто-то. Они кричали. Я хотела убежать, но он меня не заметил. Я спряталась за кустом. А потом...

Она замолчала.

— Что — потом? — тихо спросила Аглая Матвеевна.

— Потом тот, другой, упал. А Егор Дмитрич наклонился над ним и... он душил его. Руками. Я видела. Я ничего не могла сделать. Я не могла кричать. Я вообще перестала говорить после этого.

— Ты помнишь, кто был тот человек?

Лиза покачала головой.

— Я не видела лица. Только спину. Но это был мужчина. Он что-то говорил, а Егор Дмитрич ему отвечал. А потом... потом всё стихло. И он потащил его куда-то. В кусты. Я побежала обратно в дом и больше ни слова не сказала. До сих пор.

Аглая Матвеевна задумалась.

— А твоя мама? — спросила она. — Сонечка сказала, ты боишься, что её убили.

Лиза подняла глаза. В них стояли слёзы.

— Мама не должна была умереть. Она не болела. Она была здорова. А потом вдруг стала слабеть. И доктор Самойлов

— тот самый, который теперь говорит, что я безумная, — он лечил её. Он давал ей капли. А ей становилось всё хуже и хуже.

— Ты думаешь, её отравили?

— Я не знаю! — Лиза почти крикнула. — Я ничего не знаю! Но я помню её лицо. Оно было такое же, как у того человека в беседке. Она тоже задыхалась. Когда я это вспомнила, я поняла, что не могу молчать. Я должна была сказать.

Аглая Матвеевна помолчала. Потом взяла холодную руку Лизы в свою.

— Слушай меня, Лиза. Ты молодец, что заговорила. Это самое трудное — нарушить молчание, которое длилось годами. Теперь всё остальное сделаю я. Но мне нужна твоя помощь.

— Какая?

— Я осмотрю сад и беседку. А ты постарайся вспомнить мельчайшие подробности. Что на нём было надето? Какого цвета было небо? Какие звуки ты слышала? Любая деталь может стать ключом.

Лиза кивнула. В её глазах появилось что-то похожее на надежду.

Аглая Матвеевна встала и направилась к двери. В коридоре её уже ждал Шатилов с натянутой улыбкой.

— Ну что, Аглая Матвеевна? Вы поговорили? Убедились, что бедняжка не в себе?

— Я убедилась, — холодно ответила Аглая Матвеевна, — что ваша племянница нуждается в защите. И эту защиту она получит.

Она прошла мимо опекуна, не оглядываясь, спустилась по лестнице и вышла на крыльцо. Глафира, ждавшая её в экипаже, выскочила навстречу.

— Ну что, барыня? Увидели? Жива она?

— Жива. И в своём уме. А вот дядюшка её... — Аглая Матвеевна запнулась. — Глаша, нам нужно осмотреть сад. Старую беседку. И ещё — разыскать в уезде человека, который знал семью Шатиловых много лет. Священника, старую гувернантку, кого угодно, кто помнит, как умерла мать Лизы.

— А дядюшка её пустит? — с сомнением спросила Гла-

фира.

— А мы его не спросим. Он, кажется, забыл, что имение принадлежит не ему, а Лизе. И чем дальше, тем больше он похож на человека, который очень не хочет, чтобы Лиза заговорила снова.

Она поправила вуаль и шагнула в февральский снег. Впереди, за голыми деревьями, темнела старая беседка у замёрзшего пруда.

И, кажется, там её ждали ответы.

Глава третья

Ночь опустилась на Белые Росы быстро, по-февральски — густая, морозная, беззвёздная. В господском доме погасили свечи, и только одно окно на втором этаже ещё теплилось желтоватым светом — окно Лизы. Аглая Матвеевна, стоявшая в тени старой липы на краю сада, подумала, что девочка, наверное, тоже не спит. Ждёт. Надеется.

— Барыня, — прошептала Глафира, возникая рядом, как призрак в тулупе, — я всё развела. Слуг в доме четверо: лакей, кухарка, горничная и тот плечистый, что у дверей Лизы торчит. Лакей и горничная спят в людской, кухарка — при кухне. А этот, надзиратель, дрыхнет на стуле в коридоре. Я проверила: храпит так, что половицы дрожат.

— Отлично, — кивнула Аглая Матвеевна. — Тогда идём.

Они двинулись через сад — две тёмные фигуры, скользящие между голых деревьев. Снег поскрипывал под ногами, но мороз был не слишком сильным, и идти было легко. Глафира несла с собой небольшой садовый совок, прихваченный днём у крыльца, и потайной фонарь с задвижкой, который она всегда возила в саквояже «на всякий случай».

Беседка стояла у замёрзшего пруда — старая, деревянная, с провалившейся крышей и покосившимися перилами. В лунном свете она казалась скелетом какого-то древнего зверя, выползшего из пруда и застывшего на берегу. Аглая Матвеевна остановилась, переводя дух.

— Вот здесь, — сказала она. — Если Лиза права, убийство произошло где-то тут. Возможно, внутри беседки. Возможно, рядом.

— А ежели тело закопали? — спросила Глафира шёпотом. — Тогда нам его век не найти. Земля мёрзлая.

— Тело вряд ли. Прошло много лет. Если его не нашли до сих пор, значит, спрятали хорошо. Но могли остаться следы. Что-то мелкое. Пуговица. Запонка. Клочок ткани.

— В беседке? Через столько-то лет? — Глафира с сомнением покачала головой. — Да тут, небось, всё давно вымели.

— Вот и проверим.

Они вошли в беседку. Фонарь осветил старые доски, засыпанные снегом и палой листвой. В углу стояла перевернутая скамейка, на стенах ещё держались остатки шпалер, выцветших до полной неразличимости. Пахло сыростью, пле-

сенью и чем-то ещё — едва уловимым, сладковатым.

Аглая Матвеевна опустила на корточки и принялась методично осматривать пол. Доска за доской. Щель за щелью.

— Барыня, — вдруг позвала Глафира, которая светила фонарём, — посмотрите-ка сюда.

Она указала на стену беседки, обращённую к пруду. Там, на уровне человеческой груди, в дереве виднелась глубокая царапина — длинная, с рваными краями, будто кто-то в отчаянии царапал стену ногтями или чем-то острым.

— Это свежее? — спросила Глафира.

— Нет, — Аглая Матвеевна провела пальцем по царапине. — Старая. Дерево потемнело, края сгладились. Ей несколько лет. Возможно, десяток или больше.

Она наклонилась ниже и вдруг заметила в щели между половицами что-то блеснувшее. Маленькое. Металлическое.

— Глаша, дай совок.

Глафира протянула совок. Аглая Матвеевна осторожно подцепила находку и вытащила её на свет.

Это была пуговица. Металлическая, с остатками позолоты, с выгравированным на ней двуглавым орлом. Форменная пуговица. От военного мундира.

— Ничего себе, — выдохнула Глафира. — Офицерская. Неужто та самая?

— Не знаю, — медленно произнесла Аглая Матвеевна, разглядывая находку. — Но если это пуговица того человека, которого убили, — она могла отлететь во время борьбы. А если это пуговица убийцы...

— Тогда это пуговица Вельяминова, — закончила Глафира.

— Или кого-то ещё. Мы пока не знаем.

Она завернула пуговицу в носовой платок и спрятала в карман. Потом ещё раз внимательно осмотрела беседку. Под скамейкой нашёл ещё один предмет — обрывок ткани, выцветший до серого цвета, с остатками какого-то узора. Возможно, от шейного платка. Она спрятала и его.

— Всё, Глаша. Уходим.

Они выбрались из беседки и двинулись обратно к дому — но не той же дорогой, а в обход, через заросли сирени. У самого крыльца Аглая Матвеевна вдруг остановилась.

— Глаша, а где у них конюшня?

— За домом, справа.

— Идём туда.

— Зачем?!

— Хочу поговорить с кучером. Кучера всегда много знают. Особенно о тех, кто приезжает в имение по ночам.

Конюшня оказалась старой, но ухоженной. В стойлах стояли четыре лошади — две господские, две рабочие. В углу, на куче сена, спал человек — пожилой, с седой бородой, закутанный в овчинный тулуп.

— Эй, любезный, — негромко позвала Аглая Матвеевна.

Кучер проснулся мгновенно, как просыпаются люди, привыкшие к тому, что их могут поднять в любой час. Сел, протёр глаза, уставился на двух женщин с фонарём.

— Вы кто? Чего надо? — спросил он хрипло, но без особой враждебности.

— Мы гости из Москвы, — спокойно ответила Аглая Матвеевна. — Меня зовут Аглая Матвеевна Корелина. Я приехала навестить Елизавету Андреевну.

При имени Лизы кучер насторожился, но ничего не сказал.

— Ты давно здесь служишь? — спросила Аглая Матвеевна.

— Давно. Ещё при старом барине начинал. При Андрее Ильиче, царствие ему небесное.

— А при барыне? При матери Лизы?

— И при ней. Хорошая была барыня. Добрая. Только несчастная.

— Почему несчастная?

Кучер помолчал, потом ответил нехотя:

— Сначала барин помер. Она горевала сильно. А потом...

потом её лечили долго. Доктор приезжал. Капли давал. А ей всё хуже.

Аглая Матвеевна присела на край деревянного ящика, стоявшего у стены.

— Ты не помнишь, как звали доктора?

— Как не помнить. Самойлов его фамилия. Павел Петрович. Он и сейчас приезжает.

— К Лизе?

— К ней. И к Илье Кузьмичу. Они с Ильёй Кузьмичом приятели.

Аглая Матвеевна переглянулась с Глафирой. Потом спросила:

— А Егор Дмитрич Вельяминов? Он часто здесь бывает?

Кучер снова помолчал. На этот раз дольше.

— Часто, — сказал он наконец. — Особенно в последние годы. А раньше... раньше он, почитай, соседом был. Ещё при старом барине. Они вместе... дела какие-то вели.

— Какие дела?

— Не знаю. Не моего ума дело. Но барин Андрей Ильич с ним часто спорил. Кричали друг на друга. А потом барин вдруг помер. И всё затихло.

— Спасибо, — сказала Аглая Матвеевна и поднялась. — Ты нам очень помог.

Она достала из кармана серебряный рубль и протянула кучеру. Тот взял, поклонился и вдруг добавил шёпотом:

— Барыня, вы это... поосторожнее тут. Нехорошее это место. Я в беседку ту старую давно не хожу. И вам не советую.

— Почему?

Кучер перекрестился.

— Дурное там. Кровь там была. Я не видел, но люди говорили.

— Кто говорил?

— Да уж не помню. Старая кухарка ещё говорила. Она померла давно. А с ней и все разговоры померли.

Аглая Матвеевна кивнула и вышла из конюшни. На улице её ждала Глафира с круглыми от ужаса глазами.

— Барыня! Это что ж выходит? Старый барин, отец Лизы, с Вельяминовым спорил, а потом вдруг помер? И мать Лизы доктор каплями лечил, а ей всё хуже? И саму Лизу этот же доктор теперь сумасшедшей называет? Это ж...

— Это ж целый заговор, Глаша, — закончила Аглая Матвеевна. — И мы с тобой стоим в самом его центре. — Она поправила муфту и решительно зашагала к дому. — Завтра утром я поговорю с Вельяминовым. Хочу посмотреть ему в глаза. А потом нанесу визит доктору Самойлову. И священнику, который отпевал мать Лизы. Священники, Глаша, часто знают то, чего не говорят на исповеди.

— А ежели нас отсюда выставят?

— Не выставят. Я им ещё не настолько надоела. — Аглая Матвеевна слабо улыбнулась. — Но это дело времени.

У входа в дом Глафира вдруг остановилась.

— Барыня, а Сонечку нашу куда денем? Девчонка она горячая, влезет ещё куда не надо.

— Сонечку завтра отошлём в Рязань, — решила Аглая Матвеевна. — Пусть побудет у тамошних знакомых. Если дело дойдёт до жандармов, ей лучше быть подальше отсюда.

Они тихо поднялись в отведённую им комнату. Глафира зажгла свечу, Аглая Матвеевна достала из саквояжа блокнот и записала:

1. Пуговица от военного мундира.
2. Обрывок ткани (шейный платок?).
3. Следы борьбы на стене беседки.
4. Кучер: «барин спорил с Вельяминовым», «барин вдруг помер».
5. Доктор Самойлов лечил мать Лизы каплями — ей становилось хуже.
6. Тот же Самойлов теперь лечит Лизу.
7. Шатилов и Самойлов — приятели.

Она перечитала список и подчеркнула последнюю строчку дважды.

— Капли, — прошептала она. — Опять капли. Как у Маргариты. Господи, неужели опять та же история?

Потом закрыла блокнот и повернулась к Глафире, которая уже стелила постель.

— Завтра будет трудный день.

— А когда у нас были лёгкие? — фыркнула Глафира.

Аглая Матвеевна не ответила. Она смотрела на огонь свечи и думала о том, что пуговица с орлом жжёт ей карман. И о том, что где-то в этом доме спит человек, который, возможно, убил отца и мать Лизы.

И теперь этот человек хочет жениться на ней.

Зачем? Что ему нужно?

Ответ должен был найтись завтра. Или послезавтра. Или через неделю.

Но он обязательно найдётся.

С этой мыслью она задула свечу и легла спать.

— — Глава четвёртая

Утро началось с суеты.

Сонечку, укутанную в три платка и снабжённую строгими наставлениями, усадили в наёмный экипаж и отправили в Рязань. Сонечка плакала, цеплялась за тётку, клялась, что будет осторожна, и уехала, оставив после себя запах фиалковых духов и чувство смутной тревоги.

— Пусть побудет у Марии Львовны, — сказала Аглая Матвеевна, провожая экипаж взглядом. — Мария Львовна — дама строгая, но надёжная. С ней Сонечка не пропадёт. И главное — не влезет в неприятности.

— Дай-то Бог, — вздохнула Глафира и перекрестила удаляющийся экипаж.

После завтрака, который Аглая Матвеевна проглотила, почти не замечая вкуса, она велела Глафире подать серое шёлковое платье — то самое, проверенное, в котором она ходила и к графу, и на встречу с Пауком. Платье было не просто платьем. Оно было доспехом. В нём Аглая Матвеевна чувствовала себя спокойнее и опаснее — как шахматист, расставляющий фигуры перед решающей партией.

— Куда теперь, барыня? — спросила Глафира, затягивая шнуровку.

— К Вельяминову. Он, кажется, живёт по соседству. Имение называется Заозёрье. Поедешь со мной. Будешь молчать и запоминать.

— Это я умею, — кивнула Глафира. — Молчать и запоминать — моя главная служба.

Имение Вельяминова оказалось полной противоположностью Белых Рос. Если дом Шатиловых выглядел запущенным и печальным, то Заозёрье поражало ухоженностью, почти показной. Аллея, ведущая к дому, была расчищена до последней снежинки. Фасад сверкал свежей жёлтой краской. На окнах — дорогие штофные портьеры. У крыльца стояли два лакея в ливреях — вышколенные, как гвардейцы на параде.

— Богато живёт отставной генерал, — заметила Глафира, озираясь.

— Слишком богато для честного генерала, — тихо ответила Аглая Матвеевна. — Запомни это.

Их провели в кабинет — просторную комнату с дубовыми панелями, книжными шкафами и портретом государя в золочёной раме. В камине жарко горели дрова. На столе стоял серебряный чайный прибор и ваза с фруктами — посреди зимы! — что само по себе было красноречиво.

Хозяин кабинета поднялся из-за стола навстречу госте.

Егор Дмитриевич Вельяминов оказался высок, сухощав и прям, как шомпол. Генеральская выправка чувствовалась в каждом движении. Ему было лет пятьдесят пять, но выглядел он моложе — подтянутый, с коротко стриженной седой бородкой и внимательными серыми глазами. Одет он был в домашний сюртук тёмно-зелёного сукна с генеральскими пуговицами, и Аглая Матвеевна невольно отметила про себя: пуговицы двуглавые. Точно такие же, как та, что лежала у неё в кармане.

— Аглая Матвеевна, — произнёс он низким, хорошо поставленным голосом. — Много наслышан. Илья Кузьмич предупредил меня о вашем приезде. Прошу, садитесь.

Аглая Матвеевна села в предложенное кресло. Глафира встала у двери, изображая бессловесную служанку.

— Чай? Коньяк? — предложил Вельяминов.

— Чай. Без сахара.

Он сам налил ей чай, подвинул вазочку с сушками. Движения его были точны, неторопливы, как у человека, который привык командовать и не привык оправдываться.

— Илья Кузьмич сказал, что вы приехали по просьбе Софьи Ланской, — начал Вельяминов. — Похвально. Родственная забота — редкое качество в наше время. Но, полагаю, Сонечка ввела вас в заблуждение.

— Каким же образом? — спросила Аглая Матвеевна, отпивая чай.

— Она передала вам слова Лизы. А слова эти — плод больного воображения. Девушка нездорова. Врачи подтверждают. Ей нужно лечение, а не потакание фантазиям.

— Я вчера говорила с Лизой, — спокойно сказала Аглая Матвеевна. — Она не произвела на меня впечатления безумной. Испуганной — да. Затравленной — да. Но не безумной.

Вельяминов усмехнулся — холодно, одними уголками губ.

— Вы врач, Аглая Матвеевна?

— Нет.

— А я, знаете ли, имел дело с нервными расстройствами. В армии, на войне, всякое случалось. Солдаты после контузий заговаривались. Офицеры после ранений в голову начинали видеть врагов повсюду. Это не делает их показания достоверными.

— Лиза не была на войне.

— Но она пережила травму. Смерть отца, потом смерть матери. Внезапная немота в детстве. Вы знаете, что травма может вызвать ложные воспоминания? Доктор Самойлов объяснял мне. Девочка могла увидеть что-то страшное в детстве — например, ссору взрослых, — и её мозг превратил это в картину убийства. Такое случается.

Аглая Матвеевна поставила чашку на стол.

— Егор Дмитриевич, я приехала сюда не для того, чтобы спорить о медицинских тонкостях. Я приехала, чтобы понять: кто, кому и почему желает зла в этом доме. Лиза сказала, что вы убили человека в беседке. Она сказала это не в бреду. Она описала конкретное место, конкретные обсто-

ательства. Я была в этой беседке. Я видела следы борьбы.

Вельяминов не изменился в лице. Только пальцы, державшие чашку, чуть заметно напряглись.

— Следы борьбы? — переспросил он. — В старой беседке? Аглая Матвеевна, этой беседке полсотни лет. Чего там только не было. Крестьяне миловались, мальчишки дрались, собаки грызлись. Если каждый след борьбы считать уликой, половину России можно обвинить в убийстве.

— А если я скажу, что нашла пуговицу от военного мундира? В щели между половицами. Пуговицу с двуглавым орлом.

На этот раз Вельяминов промолчал. Молчание длилось несколько секунд — достаточно, чтобы Аглая Матвеевна поняла: попадание.

— Пуговицу, — медленно произнёс он. — И вы полагаете, что это улика? Против меня?

— Я ничего не полагаю. Я собираю факты.

— Что ж, — Вельяминов откинулся в кресле. — Тогда позвольте и мне изложить факты. Вам, кажется, нравится со-

бирать их.

Он взял со стола серебряный нож для бумаг и повертел в пальцах.

— Я знал Андрея Ильича Шатилова, покойного отца Лизы. Мы были соседями и партнёрами. Вместе вели дело — поставляли лес на казённые нужды. Это приносило доход. Но у Андрея Ильича были... как бы сказать... излишне мягкие принципы. Он не хотел расширять дело, отказывался от выгодных сделок. Мы спорили. Да, мы кричали друг на друга. Иногда в той самой беседке, которую вы так тщательно осмотрели.

— И однажды он умер, — сказала Аглая Матвеевна.

— Да. Сердечный приступ. Врач засвидетельствовал. Я был на похоронах.

— А его жена?

Вельяминов вздохнул.

— Анна Сергеевна. Мать Лизы. Она была женщиной слабого здоровья. После смерти мужа она угасла. Это случается, когда люди теряют любимых.

— Доктор Самойлов лечил её каплями. Ей становилось хуже.

— Доктор Самойлов — уважаемый специалист. Если вы намекаете на врачебную ошибку, я готов допустить такую возможность. Но убийство? — Он покачал головой. — Аглая Матвеевна, вы умная женщина. Не опускайтесь до бабьих сплетен.

Аглая Матвеевна допила чай и поставила чашку на блюдце с сухим стуком.

— Хорошо, Егор Дмитриевич. Оставим прошлое в прошлом. Поговорим о настоящем. Зачем вы хотите жениться на Лизе?

Вельяминов посмотрел на неё долгим взглядом. Потом встал, подошёл к окну и заговорил, не оборачиваясь:

— Лиза — дочь моего покойного друга. Я знаю её с детства. Она росла на моих глазах. Когда она осиротела, я чувствовал ответственность за неё. Я помогал Илье Кузьмичу с опекой. А потом... — он запнулся. — Потом я понял, что привязан к ней сильнее, чем думал. Она молода, чиста, невинна. Она напоминает мне о временах, когда я сам был

молод. Это эгоистично, возможно. Но я хочу дать ей достойную жизнь. Имя. Статус. Защиту.

— И её наследство, — добавила Аглая Матвеевна.

Вельяминов резко обернулся. Глаза его блеснули.

— Мне не нужно её наследство. У меня хватает своих средств, как вы могли заметить. Если Лиза выйдет за меня, всё её состояние останется при ней. Я готов подписать любые бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.